

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачева

Открытая
дверь

Р О М А Н



МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Редактор серии *В. Горюнова*

Художественное оформление серии *А. Дурасова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Nella, Flaffy, Z U M R U T, Yeti studio / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Колочкова, Вера.

К61 Открытая дверь / Вера Колочкова. — Москва :
Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-165773-4

Ирина живет вместе с мужем и растит дочь, кажется, что у нее в жизни все сложилось отлично, но это не так: мысленно она возвращается к временам, когда от нее все отвернулись, когда она потеряла не только веру в людей, но и в саму себя. Старая рана вскрывается, потому что на пороге ее дома появляются люди, которых она ненавидит больше всего на свете. Теперь Ирине придется переосмыслить свои принципы и разорвать порочный круг ненависти.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-165773-4

Если собираетесь кого-нибудь
полюбить, научитесь сначала про-
щать.

Александр Валентинович Вампилов

Больше всего Ирина не любила вечернее время после ужина, когда муж и дочь уходят из кухни, ссылаясь на неотложные дела и оставляя ее с горой грязной посуды в мойке. Не любила, но смирялась. Она ж не баба-злыдня, вечно всем недовольная, она обычная женщина, каких много. И оставаться на кухне после ужина один на один с посудой для многих — привычное дело. Да что там говорить! Никому и в голову не приходит сетовать на эти бытовые обстоятельства, на это течение женской жизни, повседневное и привычное. И она чем лучше других?

Но Вика все же могла бы помочь матери. Сама бы догадалась хоть раз. Правильно Лева говорит — разбаловали дочь, теперь обратно в подходящие времена для воспитания не запи-хаешь. Как там по-умному говорится? Воспитывать надо, когда поперек кровати лежит? Получается, сами и виноваты...

Нет, вообще-то Вика хорошая дочь, хлопот с ней особых нет. Учится прилично, читает много, матери и отцу не грубит, на том спасибо.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

У других посмотришь, что детки выделывают, да перекрестишься тайком — слава богу, моя не такая... Да, все было бы хорошо, если бы не история с тем парнем, с которым она встречалась! Надо было сразу эти встречи на корню уничтожить, а они слевой развели тогда демократию! Мол, девочке шестнадцать лет, ей запретить уже ничего нельзя, только хуже можно сделать... И вот результат! Парень этот, Юра, в колонию попал! Сунулся в какую-то драку, получил по полной программе за нанесение телесных повреждений средней тяжести. Другие участники той драки условными сроками отделались, а Юра свое получил. И все потому, что заступиться за него было некому, то есть денег на адвоката мать не нашла. Еще бы она нашла, если пьет! С виду такая приличная женщина, а пьет... Сама сколько раз ее под хмельком видела, потому как живет Юрина мать в их же подъезде, на первом этаже. А иногда и сильно под хмельком. Глаза мутные, улыбка расплывчатая по лицу гуляет. Ну что это такое, ей-богу? О сыне надо думать, а она... Так и получилось, что парень успел себе жизнь испортить, еще толком не повзрослев! Теперь наверняка у него все наперекосяк пойдет, когда из колонии вернется. Потому что опереться совсем не на кого. На мать-пьянчужку, что ли?

А как Вика рыдала, когда узнала, что Юру в колонию отправят! Так рыдала, будто боль-

Открытая дверь

шое непоправимое горе на ее голову свалилось. По-настоящему убивалась, словно взрослая женщина. И никакие уговоры не действовали... Потом успокоилась вроде, но ведь в душу ей не заглянешь, что там творится. Приходится только на воду дуть задним числом, на молоке обжегшись, да посмотреть, как бы она еще с каким хулиганьем не связалась! Хотя разве за ней углядишь? И даже если углядишь, все равно ничего не прикажешь, потому как не ребенок она уже...

Перебирая в голове мысли, Ирина и не заметила, как перемыла посуду. Ну вот и все, день к концу подошел... Обычный день, и вечер наступил обычный. Скоро по телевизору футбол закончится, и Лева придет на кухню, чаю попросит. И так же обычно она спросит Вику, приоткрыв дверь в ее комнату: «Будешь с нами чай пить?» И та ответит быстро и раздосадованно: «Нет, не хочу...» Потому что она своим вопросом наверняка ее от телефона оторвет, это уж к бабке не ходи, сюжет известен заранее.

А вот и Лева уже идет на кухню...

Нет, не Лева. Вика заглянула, проговорила быстро:

— Мам, я гулять!

— Да куда, куда гулять, Вика? — тут же всполошилась она, всплескивая руками. — Уже половина десятого! Какие могут быть гуляния? У тебя и уроки наверняка еще не все сделаны!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да все я давно сделала, мам! Я маленькая, что ли? Я не просто так ухожу, я честно предупреждаю, между прочим! Или ты хочешь, чтобы я еще и отпрашивалась? Ой, мамочка дорогая, можно мне выйти во двор ненадолго, я на качельке хочу покачаться? Так ты хочешь, да?

— Ну, не надо утрировать... Было бы неплохо, если бы и отпрашивалась!

— Ну, мам...

— Не мамкай! Скажи лучше, куда и с кем идешь? Я должна знать, мне так спокойнее будет!

— О господи... Ну сколько можно уже... — страдальчески протянула Вика, подняв глаза к потолку. — Ты же прекрасно знаешь, с кем я хожу гулять! С Сонькой! Она меня уже у подъезда ждет! И никуда мы конкретно не идем, просто так по улице прогуляемся... Нам поговорить надо... Ты же знаешь, у Соньки проблемы, ей поддержка сейчас нужна. Подруга я ей или кто?..

— Так позвала бы Соню к нам... Сиди и поддерживай ее! Я бы вам чаю в комнату принесла...

— Мы не хотим чаю, мам! Мы просто хотим погулять, вот и все! Воздухом подышать! Ну что ты ко мне пристала?

Лева из-за спины Вики проговорил насмешливо:

— Вы чего раскудахтались, девочки? Что такое случилось, а?

Открытая дверь

— Пап... — живенько обернулась к нему Вика, проговорила плаксиво: — Мама меня гулять не пускает! Ну хоть ты ей скажи, что я не маленькая.

— Нет, не маленькая. Взрослая совсем девица. Скоро замуж начнем отдавать. Ты как, не против будешь, если мы с матерью замуж тебя отдадим? Поищем человека приличного, кто твои капризы терпеть будет... Может, и найдется такой, а?

— Ну пап... Мне же не до шуток сейчас... Лучше скажи маме, чтобы она не вредничала!

— А ты считаешь, что она только из вредности тебя гулять не отпускает?

Не дождавшись ответа на вопрос, Лева тут же умчался в комнату на зов телевизионного комментатора. Даже не зов, а радостный крик. Видимо, кто-то кому-то гол забил, и Лева этот гол был важнее их нескончаемого спора.

— Да разве я сказала, что не пускаю тебя? — обиженно проговорила Ирина, всплеснув руками. — Я просто хочу знать, где ты гуляешь и с кем! Только и всего! По-моему, я имею на это право. Хватит с меня переживаний по поводу прошлых гуляний с Юрой!

— А вот о Юре не надо, мам... — тихо, но очень сердито проговорила Вика.

— Да почему же не надо, не понимаю? — не смогла остановиться Ирина. — Отныне у нас это запретная тема?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— А я тебе сто раз говорила, почему не надо рассуждать о Юре, мамочка! И я не виновата, что ты меня не слышишь! Я ж объясняла тебе, что Юра ни в чем не виноват!

— Ага! Попал в колонию — и не виноват? И следователь был глупый, и судья глупый, да? Осудили безвинного?

— Да он же просто чужую вину на себя взял... Он добрый и благородный, а ты не понимаешь...

— Ой, все! Слышать больше этого не хочу! — отмахнулась Ирина, сердито поджав губы. — И говорить про твоего Юру тоже больше не хочу!

— И не говори, и не надо... Я тебя об этом и не просила, ты сама начала! И вообще... Разве так можно, мам? У человека беда, а ты... Будто злорадствуешь...

— Да мне вообще все равно, что с этим Юрой происходит, Вика! Мне главное, чтобы ты перестала этими глупостями заниматься!

— Глупостями?! Для тебя все это глупости, да? Ну ты даешь, мам... Тогда я вот что тебе скажу, если так... Я Юру ждать буду, понятно? И письма ему буду писать! И он мне тоже... Только ты этих писем в нашем почтовом ящике не увидишь, не надейся, что можешь их мне не отдать. Мы с ним договорились, что он на другой адрес будет писать, вот! И я тебе не скажу, на какой адрес будут приходить письма!

Открытая дверь

— Ах, даже так...

— Да, мамочка. Вот так. А потом, когда Юра вернется, мы с ним...

— Все, хватит! Не продолжай, не надо! Я слышать этого не хочу! Тоже мне, декабристка юная нашлась! Из глубины сибирских руд храните гордое терпенье!

— Не слушай, твое дело... Когда Юра вернется, мне ведь уже восемнадцать исполнится.

— И что?!

— А ничего! Что слышала, мам!

Ирина даже не смогла ничего ответить — так вдруг зашлось обидой сердце. Хорошо, что в этот момент в кухню снова заглянул Лева, спросил насмешливо:

— Вы все еще спорите, девочки? Помощь судейская нужна? Мне пора вас по углам разводить, да?

— Лева, ну хоть ты ей скажи... — тихо произнесла Ирина, протягивая руки в сторону дочери. — С ней же просто невозможно стало нормально разговаривать...

— Да это с тобой, мам, невозможно нормально поговорить! Это ты меня не хочешь услышать! — запальчиво ответила Вика.

— Все, брейк! Разошлись по разным углам, все! Восстанавливаем дыхание, утираем кровавые носы! Ирина, остановись! Вика, не лезь в бутылку! Видишь ведь, что мать на взводе, и все равно доводишь ее до белого каления!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

И вообще... Ты вроде гулять собралась? Вот и иди себе...

— Так а я о чем? Это ж мама меня не пускает, будто я маленькая!

— Иди, иди... Там тебя Соня уже заждалась, наверное...

Вика хмыкнула, повернулась, быстро ушла в прихожую. Ирина последовала за ней, спрашивая на ходу:

— В котором часу ты вернешься? Слышишь меня, Вика?

Дочь молча натягивала на ноги кроссовки, пыхтела сердито. Лева, прислонившись к дверному косяку, задумчиво наблюдал за этой сценой.

— Ты что, не можешь ответить? Когда вернешься, я спрашиваю? — снова начала закипать Ирина.

Вика шагнула к двери и уже потянулась рукой к замку, когда в дверь позвонили.

— Ну вот, Сонька уже за мной пришла... — недовольно буркнула Вика, распахивая дверь, и застыла в удивлении.

За дверью была вовсе не Сонька. Там стояли незнакомые люди — женщина и мужчина довольно немолодого возраста. Мужчина крепко держал женщину под руку, так крепко, будто она собиралась хлопнуться в обморок и перевалиться грузноватым туловом через порог. И лицо у нее было такое... словно ей и впрямь

Открытая дверь

было плохо. И еще почему-то она очень странно смотрела на Вику, и губы у нее тряслись, и рука сильно дрожала.

Вика испуганно отступила на шаг, обернулась к родителям в недоумении — что это, кто это?

Лева и сам смотрел на эту странную пару озадаченно. Хотел спросить: «Может, вы дверь ошиблись?» Глянул на Ирину и не спросил. Понял вдруг — нет, не ошиблись.

Лицо Ирины было бледным и очень испуганным. Испуг перерос в недоумение и только потом — в открытую злость...

— Вика, ты же хотела идти! Иди, тебя Соня ждет! — произнесла Ирина довольно грубо и даже слегка подтолкнула дочь в спину. — Иди же, ну!

— Вика... Ее зовут Вика... Ты слышишь, Паша? — произнесла дрожащим слезливым голосом женщина, стоящая по ту сторону двери. — Какая девочка красивая выросла...

— Да, Аня, очень красивая... — эхом откликнулся мужчина, еще крепче подхватывая ее под руку.

— Боже, как же она похожа... Те же глаза, тот же лоб, взгляд тот же... Посмотри, Паша, посмотри, она же все крошечки подобрала... Это же копия Ромочки, чистая копия...

— Какого еще Ромочки? Вы кто вообще? Что происходит? — удивленно спросила Вика, снова оглядываясь на мать.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Та уже почти силой выпихнула ее через порог, проговорив сердито:

— Да ничего не происходит, иди, иди давай! Не видишь, люди дверью ошиблись? Сейчас мы все выясним, а ты иди... Тебя Соня давно ждет, ну? И лифт как раз на нашем этаже остановился! Иди!

Вика неохотно шагнула в открытые двери лифта, успев заметить, что пожилая женщина сделала невольное движение ей вслед, будто тоже хотела успеть проскочить в лифт, но мужчина держал ее довольно крепко. Двери лифта закрылись, и странная картинка исчезла. Вика тут же забыла о ней, вспомнив о Соньке, — сейчас наезжать на нее станет, что заставила так долго себя ждать! Да и эти двое... Наверное, точно дверью ошиблись. Ненормальные какие-то, ей-богу...

А «ненормальные» в этот момент несмело пытались рассмотреть Ирину, улыбались виновато и почти заискивающе. Мужчина хотел было спросить что-то, но Ирина упредила его злым вопросом:

— Что вам здесь надо, Павел Георгиевич? Анна Николаевна? Зачем вы?! Кто вас сюда звал? По какому праву вы...

— Ирина, погоди... Не надо с нами так, прошу тебя... — тихо проговорил мужчина, которого Ирина назвала Павлом Георгиевичем. — У Ани сердце больное, ей нельзя волноваться...

Открытая дверь

Мы так долго искали тебя, Ирина... Если б ты знала, как долго мы тебя искали!

— А зачем вы меня искали, Павел Георгиевич? — саркастически спросила Ирина, подходя ближе к двери. — Зачем я вам вдруг понадобилась, а? Почему вы вспомнили обо мне? Не прошло и восемнадцати лет, как вы обо мне вспомнили? Вам срочно моя дочь понадобилась, да? Зачем, скажите?

— Но она же наша внучка, Ирина... Кровиночка наша... Ты ж сама понимаешь...

— Ах, кровиночка, стало быть! Насколько я помню, вы эту кровиночку мне убить советовали в свое время, даже категорически на этом настаивали! А теперь, значит, передумали, да? Или ваш сынок Ромочка все-таки вспомнил, что у него где-то дочь растет?

— Нет, Ирина, он уже ничего не вспомнит... Нашего Ромочки больше нет... — тихо проговорила Анна Николаевна, опуская голову. — Наш сын умер три года назад... У нас теперь никого нет, совсем никого... Мы три года пытались тебя найти, Ирина, и вот... Ромочка нас просил, когда умирал, да мы и сами хотели...

— Извините, я не знала. Сочувствую вам... Что, Ромочка даже внуков вам не оставил?

— Нет. Не было у него в браке детей, Ирина. Так уж получилось. Теперь у нас только одна внучка... Твоя дочь... И Ромочкина дочь... Мы так долго ее искали...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ах, вот оно в чем дело! Искали, значит? Одинокой старости испугались, да? Вы ж Виду вообще не хотели! А теперь я вас не хочу. По-моему, это вполне справедливо звучит, вы не находите? И все, больше нам не о чем говорить, извините.

Ирина собралась было закрыть перед их носом дверь, но не успела — Анна Николаевна вдруг неловко начала заваливаться на бок, и Павел Георгиевич едва успел ухватить ее, смотрел беспомощно, повторяя тихой скороговоркой:

— Аня, Аня... Приди в себя, Аня... Не надо, ну что же ты... Держись, прошу тебя, Аня...

Лева быстро шагнул за дверь, подхватил Анну Николаевну с другой стороны, проговорил быстро:

— Надо ее положить на диван... Я вам помогу! Держите крепче, вот так...

Подняв голову, тут же скомандовал Ирине:

— Ну, чего ты стоишь? Быстро воды неси! И нашатырь! Видишь, человеку плохо? И освободи в гостиной диван, быстро!

После нашатыря, лежа на диване, Анна Николаевна пришла в себя, прошептала тихо:

— Спасибо вам, добрый человек... Вы муж Ирины, да? Простите, что столько хлопот вам доставили... Как вас зовут?

— Неважно, как его зовут... — не дала ответить Леве Ирина, стоящая в изголовье у Ан-

Открытая дверь

ны Николаевны. — Важно то, что он для моей дочери родной отец. Она его таковым считает, и я вам не позволю нарушить порядок нашей жизни, ни за что не позволю. И не надейтесь даже, Анна Николаевна. Вы же понимаете, что я имею на это полное право. Если вспомнить, как вы тогда со мной обошлись... Или забыли, может?

— Нет, Ирина. Я ничего не забыла. Но сейчас... Сейчас обстоятельства изменились... И мы тоже... Все люди меняются со временем, да... И я сама себе простить не могу, что так с тобой обошлась. Да и Господь меня за это наказал, так наказал, что больше некуда... Прости меня, Ирина, очень тебя прошу. И на колени перед тобой могу встать — прости...

Анна Николаевна даже сделала некое движение, будто собиралась упасть с дивана прямо Ирине под ноги, но Павел Георгиевич удержал ее испуганно:

— Тихо, Аня, тихо... Лежи...

— Да мне уже лучше, Паша! Помоги мне сесть... Нам же поговорить надо, объяснить Ирине... Ну же, помоги!

— Хорошо, Аня... — помог жене сесть на диване Павел Георгиевич. — Только позволь мне самому объяснить... У меня это лучше получится.

Ирина хотела было что-то сказать, но Лева крепко взял ее за предплечье, проговорил тихо на ухо:

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Перестань, слышишь? Пусть человек объяснит... Можешь хотя бы выслушать спокойно?

— Нет, Лева, не могу! — яростно шепнула она ему в ответ.

— Да я все понимаю, Ирина, что ты... Но люди все-таки у тебя в доме находятся! Нельзя же так... Перестань!

Словно не слыша их тихой перепалки, Павел Георгиевич заговорил довольно деловито:

— Да, Ирина, так сложилась наша жизнь — у нас теперь никого нет. Как говорится, жить дальше не для кого и некуда. Бессмысленно как-то все. И мы тебя очень просим, очень... Позволь нам общаться с Викой, хотя бы изредка! Позволь для нее что-то сделать! Кому от этого будет хуже, скажи? Ты же знаешь, мы люди довольно обеспеченные, и мы бы могли... Мы бы могли многое ей дать... Другую какую-то жизнь...

Павел Георгиевич замолчал на секунду, обводя быстрым взглядом гостиную, довольно скромно обставленную. Этой секунды хватило, чтобы Ирина снова вскипела негодованием:

— Другую жизнь хотите ей дать? И это вы мне сейчас говорите, да? А вы хоть спросили бы для начала, что было со мной, когда я осталась в своей жизни одна с ребенком на руках! Спросите, как я вышла с Викой из роддома практически в никуда? Вы думали тогда, как будет жить ваша внучка? И вы, Анна Николаев-

Открытая дверь

на... Помните, как я пришла к вам из роддома? И заметьте, никакой помощи у вас не просила, а только ребенка хотела покормить... Как стояла в дверях, как объяснить пыталась, что идти мне с ребенком некуда? Что вы мне ответили, вы помните?

— Нет... Я не помню... — испуганно ответила Анна Николаевна, инстинктивно прикрывая глаза рукой. — Я не помню, правда...

— Не обманывайте, все вы прекрасно помните! А если забыли, я вам скажу... Вы тогда посоветовали оставить вас в покое, навсегда забыть к вам дорогу. А еще сказали, что мне надо было отказаться от ребенка в роддоме, заявление написать. Вика тогда кричала у меня на руках, голодная была, а вы прямо через ее крик мне говорили это! Неужели и впрямь не помните? Или не хотите помнить? И все, и хватит уже! Давайте прекратим этот фарс! Не будет в вашей жизни никакой внучки, я этого не позволю! За все надо отвечать, вот и вы возьмите на себя смелость ответить! Да как вам вообще в голову такое пришло, зачем вы меня разыскали? Неужели ждали от меня чего-то другого? Думали, купить себе внучку сможете? Деньгами поманите ее... и готово?

— Ирина, ну что ты... Не надо так, прошу тебя... Мы же к тебе с чистым сердцем пришли... — вяло проговорил Павел Георгиевич, с тревогой глядя в лицо жены.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— А как надо? В объятия вам броситься? Плакать от умиления — какое, мол, счастье, что бабушка с дедушкой к нам пожаловали? Так бы вы хотели, да?

— Нет, зачем... Но хотя бы выслушать нас...

— А я вас выслушала. Я поняла, чего вы хотите. Смысла жизни вам захотелось, вот и вспомнили, что у вас где-то внучка есть, ведь так? Да только ничего у вас не получится, не надейтесь. Не увидите вы больше никогда внучку, я все для этого сделаю. И я имею на это полное право. Вы мне когда-то сказали — уходи, сейчас я вам говорю — уходите. И чем скорее, тем лучше. Да, вот так... Я все сказала, у меня слов других больше нет!

— Ирина, но погоди... Ты сейчас не в себе просто... — попытался тихо усовестить жену Лева, но она лишь обернулась к нему сердито:

— Не вмешивайся! Это мое дело! Это только мое дело, больше ничье!

— Да, Ирина, конечно, мы уйдем сейчас... — тяжело вздохнул Павел Георгиевич, помогая жене подняться с дивана. — Но я очень надеюсь, что твоя обида со временем как-то утихнет... Надеюсь, мы еще к нашему разговору вернемся...

— Не надейтесь. Не вернемся. И не смейте больше сюда приходить! Лева, проводи гостей до двери.

Открытая дверь

Повернулась, ушла на кухню. Уже оттуда услышала, как Лева бормочет какие-то извинения, как потом щелкнул дверной замок.

Все, ушли... Слава богу. Только сейчас она почувствовала, в каком напряжении находится тело, как сильно стучит сердце, какой звон стоит в голове. Только бы Лева не начал снова ее увещевать, пусть бы ему сердца хватило! Пусть понял бы, что она чувствует...

Лева тихо вошел в кухню, сел напротив нее за стол, вздохнул. Спросил участливо:

— Как ты? Отошла немножко? Успокаивайся... Выпей воды, на тебе лица нет!

— Что значит — отошла? Разве от такого отойдешь... Да мне так плохо сейчас, Лева, если б ты знал... Впору самой нашатырь нюхать, пока в обморок не грохнулась. Надо же, заявились гости незваные... Столько лет прошло... Да меня всю нервной дрожью потряхивает! Как увидела их в дверях... Глазам своим не поверила!

— И все же, Ирина... Я бы на твоём месте не был столь уж категоричен, честное слово...

— А ты не на моём месте, Лева. Ты на своём месте. Ты этого на своей шкуре не пережил.

— Да, конечно. Я понимаю. И все же, и все же... Позволь мне выразить свою точку зрения. Можно?

— Ну, выражай, если уж так приспичило... Только от этого ничего не изменится, сразу предупреждаю.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да понял я, понял... Но согласишься, что это... Как бы сказать... Несколько несправедливо по отношению к Вике.

— Да из-за чего же несправедливо? По-моему, наоборот, очень даже справедливо! Или... Ты что такое имеешь в виду?

— Да, то самое я имею в виду... Я так понял, они действительно люди довольно обеспеченные. Если они могут предложить Вике другие жизненные возможности — почему бы и нет? По-моему, для этого можно и приглушить собственные обиды. Разве не так?

Она ничего ему не ответила. Лишь подумала про себя — нет, зря надеялась. Ничего он не понял и не почувствовал. Ничегошеньки. Можно и не объяснять дальше...

— Я очень устала, Лева, я не хочу больше говорить об этом. Давай больше не будем, ладно? Голова очень болит... Я лучше спать пойду...

Он кивнул, улыбаясь грустно. Зачем-то посмотрел в окно, а не ей в глаза. Будто отодвинулся в одночасье — это твоё решение, мол...

Она поднялась, ушла в спальню. Не раздеваясь, легла под одеяло, свернулась калачиком. Через какое-то время нервный озноб отпустил. Она даже услышала, как Лева опять включил в гостиной телевизор, как прибавил звук, наверняка увлекшись любимым футболом.

Открытая дверь

Ну и пусть... Пусть смотрит свой футбол. Можно натянуть одеяло на голову и не слышать ничего. И спать.

Закрыла глаза, думая, что уснет сразу, да не тут-то было. Прошлое обрушилось на нее беспощадно, то самое прошлое, от которого она бежала долгих семнадцать лет... Никуда теперь от него не денешься, никуда! Придется все заново пережить...

* * *

— Поступила! Я поступила! Вот моя фамилия в списках есть... Боже, счастье какое...

Ирина крепко сжала руку новой приятельницы Катюши, с которой вместе поселилась в комнате в общежитии, пока сдавала экзамены. И тут же спохватилась и устыдилась этой радости — надо ведь и Катину фамилию в списках найти... Может, ее там нет вовсе?

— А ты, Кать? Нашла свою фамилию в списках? — спросила быстро, глянув на Катю.

— Да погоди... Не видно ж ничего... Сейчас в первые ряды пробьюсь, тут же толкотня такая...

Катя из-за маленького роста и впрямь ничего не могла разглядеть, только поправляла очки на носу, в то же время изо всех сил пытаясь подойти поближе к спискам. Ирина проговорила быстро:

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Давай я тебе помогу! Я же высокая, мне лучше видно! И очки я не ношу, без них все отлично вижу!

Ирина снова пробралась через толпу к спискам, взгляделась в мелькание фамилий на букву «н»... Как их много... Никитин, Николаева, Нифонтова... Носов, Новоселова... Новоселова...

— Есть, Кать! Новоселова Е. П. — это же ты, правда?

— Да... Я Екатерина Павловна... — не смея обрадоваться, тихо проговорила Катя. — Ты посмотри еще, Ирин, посмотри! Вдруг там еще Новоселова есть? Фамилия-то распространенная... Вдруг ошибка какая-то?

— Да нет никакой ошибки, Кать! Есть ты в списках! Мы поступили, ура! Пойдем отсюда, а то нас окончательно затопчут...

Разгоряченные радостью, они выскочили на улицу, сбежали вприпрыжку по ступеням, упали на скамью в институтском скверике.

— Ой, даже не верю... — засмеялась Катя, обнимая Ирину за плечи. — Не верю, не верю! Я ведь хуже тебя экзамены сдала... Едва-едва проходной балл набрала, ты же знаешь! И во все была не уверена...

— Да ладно, чего вспоминать! Главное, мы поступили, Кать! Давай это событие отметим как-нибудь, а?

— Давай! Можно в кафе пойти, например!

Открытая дверь

— Ой, нет... У меня на кафе денег не хватает, что ты... Мне деньги экономить надо, ты же знаешь мою ситуацию...

— Да, Ириш, я знаю. Извини. Тогда давай большой торт купим, хочешь? И вдвоем его слопаем в общезитии!

— Давай! Хорошая идея, ага!

— Только мне надо сначала на главпочтамт сгонять, чтобы родителям позвонить! И тебе тоже надо, наверное?

— Ну Кать... Опять ты... Я ж тебе рассказывала, что у меня нет родителей...

— А, ну да, извини... Ну, мачехе позвони хотя бы...

— Нет. Не стану я ей звонить. Ей на мои звонки все равно, что есть, что нет...

— Ну, пусть хоть обрадуется, что ты поступила и к ней не вернешься.

— А она и так знает, что я не вернусь. В любом случае. Мы с ней на этом и расстались, когда я уехала поступать. Она так обрадовалась... Я ж видела, как сильно она обрадовалась. Нет, не стану я ей звонить... Мне вообще некому звонить, Кать. Вот если бы папа был жив... Или тетя Рита, мамина сестра... Никого у меня не осталось, кто бы звонку обрадовался.

— Совсем-совсем никого, что ли? Но ведь так не бывает...

— Бывает, Кать. Одна я такая, что ли? Это еще хорошо, что мачеха меня после смерти от-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ца в детдом не отправила... Да и отправила бы, наверное, если бы моей доли по закону в квартире не было. Испугалась, что менять квартиру потом заставят.

— Так ты ведь тоже можешь сейчас... Заставить ее разменять...

— Ага, заставишь ее, как же! Да и не нужно мне от нее ничего. Я ж не собираюсь там жить... В нашем городке даже на работу трудно устроиться, только если на рынок торговать пойти. Мачеха моя торгует... У нее это хорошо получается, с огоньком. А я так никогда не сумею...

— Понятно, что ж. Наглая тетка твоя мачеха, что тут еще можно сказать! — вынесла вердикт Катя, рубанув рукой воздух. — И ладно, и не будем больше о ней... Плюнь и забудь, Ириш! Будем считать, что у тебя новая жизнь началась!

— Новая, да. Только как ты думаешь, из общезжития нас попросят после экзаменов? Нас ведь только на время абитуры поселили...

— Не знаю, Ириш. Наверное, можно как-то договориться с комендантом, денежку заплатить. Не знаю... Я бы тебя к себе позвала, но нас и так пятеро в двухкомнатной квартире... Мама, папа, бабушка и мы с сестрой... Даже раскладушку некуда поставить, поверь...

— Да что ты, Кать, я ж понимаю! Ничего, выкручусь как-нибудь, не переживай! Ну что, поедем на почтайт?

— Ага, давай...

Открытая дверь

Они быстро доехали до почтамта. Пока Катя радостно сообщала родителям новости, Ирина стояла в сторонке, наблюдала за подругой. И завидовала. Даже странно было, из-за чего вдруг накатило такое нехорошее чувство. Она его ощущала со всей щемящей горечью и нытьем в груди. Нет, не конкретной Кате она завидовала, а этой картинке, которую видела. Девушке с сияющими глазами за стеклом кабинки. В другой кабинке тоже девушка кому-то звонит, тоже счастливая... Они могут кому-то звонить и даже не осознают до конца этого счастливого обстоятельства. Вот дурочки...

Потом они долго шли по улице, забрели в парк, сели на скамью отдохнуть немного. Катя вдруг наклонилась к ней, проговорила тихо на ухо:

— Ириш... Посмотри на соседнюю скамью... Видишь двух парней?

— Ну, вижу... И что?

— Да не гляди на них так открыто! Поверни голову, будто не замечаешь!

— Да в чем дело, Катя? Объясни нормально!

— Мне кажется, эти парни за нами от самого почтамта идут...

— Да ну! Тебе показалось. Чего бы им за нами идти, сама подумай? Что мы, эстрадные артистки какие-нибудь, автографы раздаем?

— Нет, ничего мне не показалось! И сейчас они на нас смотрят! И улыбаются! Они уже к

ВЕРА КОЛОЧКОВА

нам идут... И что, будем с ними знакомиться или нет? Может, отшить их сразу, как думаешь? Но вроде нормальные ребята, жалко...

Ирина ничего не успела ответить. Растерялась. А парни уже уселись на их скамью: один рядом с Катей, другой — рядом с ней. Тот, который сел рядом с Катей, проговорил весело:

— Давайте знакомиться, девчонки! Меня Стасом зовут, а моего друга — Ромочкой. А вас как?

— Хм... — кокетливо усмехнулась Катя. — А почему вы друга так интересно представили — Ромочка? Тогда и себя Стасиком назовите, чего уж!

— Нет, все именно так, девушки. Я Стас, а он Ромочка. Потому что я из бревна вытесан как Буратино, а Ромочка у нас не такой. Душа у него тонкая и ранимая. Вот пообщаемся, и сами в этом убедитесь.

— А с чего вы взяли, что мы будем общаться? — снова кокетливо спросила Катя.

— А почему бы нет? Мы так поняли, вы просто гуляете... И мы просто гуляем... А еще мы поняли, что у вас что-то хорошее произошло, день какой-то особенный, ведь так?

— Ну да, угадали... Мы с Ириной сегодня в институт поступили, в химико-технологический! Поэтому и радуемся весь день!

— Что ж, хорошее дело... Значит, вашу подругу Ириной зовут? А вас как?

Открытая дверь

— А меня Катей...

— Очень приятно! Вот и познакомились!
Значит, вы студентки теперь?

— Ну да... А вы? Учитесь или работаете?

— Ни то, ни другое. Пока в воздухе висим.

— Ой, как это?

— Да мы только что политехнический окончили, еще не успели с трудовой деятельностью определиться. С Ромочкой-то ясно все, его отец к себе пристроит, а я... Я уж как-нибудь, где-нибудь...

— А на каком факультете вы учились?

— На радиофаке.

— Ух ты... Я слышала, туда только сильно умных берут...

— Так мы и есть самые умные, девчонки! Вам страшно повезло, что мы с вами теперь знакомы!

— Ой, да не больно-то и хотелось, подумаешь...

— Ну, не делай такое лицо, Катя, я же пошутил.

— А что, мы уже перешли на «ты»?

— Ага. Что ж мы, такие молодые и красивые, будем друг другу выкать? Я думаю, твоя подруга тоже не станет возражать, если мы будем на «ты»?

Стас глянул на Ирину, и она улыбнулась застенчиво, пожала плечами. Сидящий рядом с ней парень проговорил тихо:

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Не обращай на него внимания, Ирина... Он всегда такой. Простой и незатейливый, как тульский пряник.

— А ты... Не простой? — чуть повернула она к нему голову.

— И я простой. Только не умею себя подавать вот так, с размаху. Я скромный...

— Хм! Когда человек сам себя называет скромным, это звучит довольно сомнительно.

— Да почему же?

— Не знаю... Мне так кажется.

— Девчонки, а пойдемте в кафе! — вдруг решительно предложил Стас, хлопнув ладонями. — Надо же отметить ваш праздник, нельзя ж не отметить! Плохая примета, удачи не будет!

Катя пожала плечами, глянула на Ирину, спрашивая глазами — ну что? Ирина произнесла тихо и неуверенно:

— Так это же дорого... В кафе... Что вы...

— Кому дорого, а кому и нет! — весело перебил ее Стас. — Что это за разговоры — дорого? Вас приглашают от всего щедрого мужицкого сердца... То есть Ромочкиного щедрого сердца... Я-то кавалер бедный, у меня лишних бабок сроду не водится, честно скажу. А Ромочка... Родители ему на карман столько дают, что грех не потратить на хорошее дело. Правда, Ромочка?

— Да ну тебя, Стас... Сразу уж и родители...

— Прошу прощенья, не в ту тему залез! Согласен, родителей трогать не будем! Родители

Открытая дверь

отдельно, бабки отдельно. Так что, идем в кафе или нет?

— Конечно, идем! Я и сам хотел предложить, но ты всегда впереди паровоза несешься, Стас!

— И опять я прошу прощенья! Ну такой я, да... Потому мы с тобой и друзья, что разные по натуре. Как там в стихах, не помните, девушки? Они сошлись, волна и камень...

— Стихи и проза, лед и пламень... — тихо подсказала Ирина, улыбаясь.

— Во-во, так и есть! — подхватил быстро Стас. — В моем лице мы имеем прозу и лед, а в лице Ромочки, стало быть, стихи и пламень! Да, он у нас такой...

— Все, Стас, хватит! Иначе девчонки бог знает что обо мне подумают! Давайте лучше в кафе пойдем...

— Ты приглашаешь, ты угощаешь? — уточнил на всякий случай Стас.

— Ну, я же сказал... Если еще выступать будешь, то мы втроем в кафе отправимся! Я и Катя с Ириной! А ты к себе в общежитие пойдешь, понял?

— Понял... Ну что, девушки, идем?

Катя снова глянула на Ирину, будто предлагала ей самой принять решение. Наверное, надо было вежливо отказаться, но Ирина неожиданно для себя произнесла весело:

— Пойдем! Если честно, я такая голодная... Ничего не ела с утра.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну, так и чего мы сидим? — первым встал со скамьи Стас. — Ждем, чтобы девушка в голодный обморок на наших глазах упала? Ромочка, поддержи ее, вдруг до кафе не дойдет...

— Дойду, можешь не переживать за меня! — смеясь, проговорила Ирина, тоже вставая со скамьи.

Так и дошли всей компанией до кафе «Стрелка», очень популярного в этом районе города. Говорят, там даже бандиты по ночам собирались. Получалось, что кафе свое название вполне оправдывало. И музыка там была живая, и кормили отменно...

Вечер прошел очень весело — ели, пили, танцевали, смеялись без конца. Стас был неутомим в неуклюжих шутках, ухаживал за Катей, и она кокетничала с ним напропалую. Ирина даже удивлялась слегка — откуда что взялось... Впрочем, они ж с Катей мало знакомы — то самое время и знакомы, когда вступительные экзамены вместе сдавали.

Ромочка тоже за ней ухаживал, но более изысканно, что ли. Видно было, что в манерах ухаживания за дамой он знает толк. Наверное, в хороших благополучных семьях детей этому как-то специально учат... Ирина даже стеснялась немного — за ней никогда и никто так не ухаживал. И потому старалась не набрасываться на еду как сбежавшая от голодухи деревенщина, спину пыталась прямо держать, лицом

Открытая дверь

не хлопотать без надобности. И не то чтобы Ромочка сильно напрягал ее манерами, а просто... Просто хотелось ему понравиться почему-то.

В половине одиннадцатого Катя вдруг спохватилась:

— Ирина, нас же в общежитие могут не пустить, сегодня же та зверюга-вахтер дежурит! Помнишь, как она девчонок в соседнюю комнату не пустила, они в скверике на скамьях ночевали?

— Спокойно, девочки, не волнуйтесь... Мы к Ромочке на дачу уедем... если что! — весело проговорил Стас, разливая по бокалам остатки вина.

— Ну, это уж нет, это уж извините-простите! — тут же оскорбилась Катя, отодвигая от себя бокал. — Мы уж лучше в скверике переночуем, чем... За кого вы нас принимаете, а?

— Выйдем... такси поймаем, — тихо проговорил Ромочка, сердито глянув на Стаса. — Успеете в общежитие, я вам обещаю.

Ирина взглянула на него благодарно — как хорошо он это сказал. Уверенно и без пафоса. И рассчитался с официантом тоже очень уверенно, сдачи не потребовал. Как будто это ему ничего не стоило, подумаешь, ерунда какая! Да ее мачеха, к примеру, удавилась бы за такие деньги, что он официанту оставил...

Такси ловили долго, едва успели доехать до общежития. Оставалось не больше пяти минут

ВЕРА КОЛОЧКОВА

до того, как вахтерша придет закрывать двери. Стас возмутился громко: «Кто это придумал такое, чтобы двери в общежитиях закрывать на ночь? Студенты что, не люди разве? И зачем тогда вахтеры нужны вообще?» Ирина с Катей увещевали его: «Тихо ты, вдруг вахтерша услышит... Мы ж теперь тут на птичьих правах, вступительные экзамены закончились, все по домам разъезжаются!»

Вскоре и грозная вахтерша выглянула из-за двери: «Заходить будете, нет? Я дверь закрываю!»

Они быстро нырнули в дверной проем, даже не попрощались толком. Катя, поднимаясь по лестнице на второй этаж, вздохнула грустно:

— Хорошие парни, правда, Ириш? Жалко, что мы уезжаем...

И остановилась вдруг, проговорила испуганно:

— Ой! Это ведь я утром уезжаю, а ты-то остаешься! Надо было договориться тебе с Ромой о новой встрече... Он ведь хотел договориться, я так поняла... Жалко, что не успел.

— Да, жалко... — тоже вздохнула Ирина. — Хороший парень, да...

— Может, он сам тебя найдет? Знает ведь, где ты живешь...

— Не думаю, Кать. Зачем ему меня искать? Он... Он какой-то другой, понимаешь? Будто не из нашей жизни.

Открытая дверь

— Так ясно, что не из нашей! Стас же говорил, что у него родители обеспеченные! Если он может всю компанию в кафе пригласить... Это ж какие деньги за ужин заплатить надо, уму непостижимо!

— Да я ж не про деньги, Кать... Я ж говорю — он вообще другой...

— Так при деньгах и ты будешь другая, это ж ясно. Эх ты, недотепа... Надо было тебе самой у него телефончик попросить и потом позвонить!

— Ну что ты, Кать! Да я бы ни за что этого не стала делать! Чтобы сама...

— Да ладно, это ж я просто так, к слову... Я тоже никогда парням на шею не вешаюсь. Ладно, пойдем спать... Спать хочу — умираю! Вещи утром собирать буду...

Утром Катя уехала. Перед уходом разбудила Ирину, проговорила быстро:

— Ну все, пока... Ненадолго прощаемся, первого сентября приеду! Попросимся, чтобы нас опять в одну комнату поселили, ага?

— Да, Кать... Конечно... Счастливо тебе... — сонно проговорила Ирина, поднимая голову от подушки.

— Ага. Увидишь Стаса — привет передай.

— Да где ж я его увижу, ты что?

— Ну, мало ли... Ты же здесь остаешься, всякое может быть...

— Так меня ж наверняка попросят освободить место...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну так не попросили ж пока? Вот и живи, как мышка. Утром уходи, вечером возвращайся, не мелькай особо, комендантше на глаза не показывайся. Ну все, я побежала, а то на поезд опоздаю...

Когда за Катей закрылась дверь, Ирина подумала: а она ведь правильно говорит... Надо действительно уходить с утра, до того, как комендантша на рабочее место не придет. Если сунется в дверь — закрыто! И до вечера будет закрыто... Пусть думает, что она тоже уехала. А возвращаться лучше попозже, часам к девяти, чтоб уж наверняка... Не будет же комендантша до девяти на работе сидеть!

Поднялась с кровати, умылась, оделась быстро и даже чаю не попила — выскочила за дверь. Потом целый день гуляла по городу, погода стояла хорошая. В кино сходила, в парке на скамье съела две булки, запивая кефиром, на десерт себе эскимо купила. Жить можно, в общем. А завтра можно книжку с собой прихватить. Посидеть, почитать на той же скамейке в парке...

Ровно в девять подошла к дверям общежития и глазам не поверила — это ж Ромочка стоит, переминается с ноги на ногу! Долго, наверное, стоит... Да если б она знала, обязательно бы поторопилась!

— Ну наконец-то... — шагнул к ней с улыбкой Ромочка. — Я уж думал, ты не придешь...

Открытая дверь

— Давно ждешь, да?

— Давно. Но это неважно...

— Ой, я бы тебя пригласила чаю попить, да не могу... Боюсь лишний раз внимание к себе привлечь...

— Я понимаю, что ты. Может, мы поужинаем? Тут недалеко приличное кафе есть...

— Нет, лучше погуляем... Только недолго, мне надо вовремя в общежитие вернуться.

— Помню, помню про ваши порядки строгие... Ну что ж, давай погуляем! Кстати, Стас тоже вместе со мной приходил, но не дождался, ушел. А я вот остался.

— Да, спасибо... Ой, не знаю, что сказать! Кроме спасибо ничего в голову не пришло! А Катя, кстати, просила Стасу привет передать! Она утром домой уехала!

— А ты почему не уехала?

— А я... А мне некуда уехать.

— Как это?

— Ну... Так получилось. Долго объяснять. И в общежитии тоже нельзя долго оставаться, мне ж место только на время абитуры дали как иногородней. Можно, конечно, попробовать с комендантшей договориться, но боюсь, что она не согласится...

— Поэтому ты так поздно сегодня вернулась, да? Чтобы комендантша тебя не заметила?

— Ну да... Чтобы лишний раз у нее перед глазами не мелькать.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Но ведь она все равно поймет, что ты не уехала... И что тогда станешь делать?

— Не знаю. Наверное, придется комнату до первого сентября снимать. Ты не в курсе, сколько надо денег, чтобы снять комнату? Или хотя бы угол...

— Как это — угол?

— Ну, это так говорят... Когда разрешают просто переночевать где-нибудь в уголке...

— Про угол не знаю, а комнату снять можно, я думаю.

— Это ужасно дорого, наверное?

— Да не думаю, что дорого... Как-то не интересовался никогда этим вопросом... Хочешь, я тебе комнату сниму? У меня есть деньги.

— Ой, что ты! Об этом и речи не может быть! Как это вообще... Мы ж едва знакомы... Нет, я не могу взять у тебя деньги, что ты!

— Да почему ты так всполошилась, Ирина! Это ж обыкновенная помощь, не более того... Почему один человек не может решить проблему другого человека, к тому же если ему этого очень хочется?

— Нет, Рома... Нет, я так не могу... И все, не будем больше об этом, ладно?

Они замолчали, шли рядом по тихой вечерней улице. Становилось прохладно, было слышно, как над городом собирается гроза. Ирина поежилась, подняла голову и проговорила озабоченно:

Открытая дверь

— Давай обратно пойдем, скоро дождь начнется... И поздно уже, а тебе еще домой ехать. Ты ведь далеко живешь, наверное?

— Ничего страшного, я такси поймаю... Ты замерзла, да?

Ромочка быстро снял легкий стильный пиджак, накинул его на плечи Ирине. От пиджака пахло дорогим одеколоном и еще чем-то вкусным — другой жизнью, наверное... Той, где не надо скрываться от злой комендантши и перекусывать булками с кефиром на скамейке в парке.

Видимо, она как-то слишком грустно вздохнула, потому что Ромочка глянул на нее осторожно и так же осторожно проговорил:

— Ну ладно, не хочешь, чтобы я комнату тебе снял... Понятно... А если помощь будет не связана с деньгами, сможешь ее принять?

— Как это? — спросила Ирина удивленно.

— Да все очень просто... У моего друга дача пустая стоит, можешь там до первого сентября спокойно пожить.

— У твоего друга есть своя дача?

— Да нет, не у него, у родителей, конечно же. Они надолго за границу уехали в командировку. Вот дача и пустует. Хочешь, я с ним поговорю?

— Не знаю... А это удобно?

— Да почему ж нет? Вот провожу тебя сейчас и сразу с ним переговорю. А завтра тебе все

ВЕРА КОЛОЧКОВА

скажу. Может, завтра уже туда и переселишься. Я тебе помогу вещи перевезти, машину у отца возьму.

— А ты и машину водить умеешь?

— Да что тут особенного, умею, конечно...

Первые капли дождя упали им под ноги, и Ромочка схватил ее за руку, проговорил весело:

— Бежим, а то промокнешь! Хорошо, что мы недалеко от твоего общежития ушли!

Добежали, распрощались впопыхах. Ромочка успел спросить быстро:

— Где тебя завтра можно найти?

— В скверике у драмтеатра, у фонтана... Я утром туда приду...

— Хорошо! Жди меня там! До завтра!

Ждать утром в скверике пришлось недолго. Ромочка подошел, проговорил деловито:

— Привет! Ну все, я договорился, будешь жить на даче у друга, я уже ключи у него забрал. Сейчас вещи твои прихватим и поедем. Идем скорей, а то я машину в неполюженном месте оставил...

Проходя мимо вахтерши с чемоданом в руках, Ирина торжественно вручила ей ключ от комнаты, попрощалась вежливо.

— Уезжаешь, стало быть? — улыбнулась вахтерша. — И хорошо, и слава богу... А то меня уж комендантша допрашивала, почему из двести пятнадцатой комнаты не выселяются. А я и не знаю, что ей говорить... Она у нас бдительная...

Открытая дверь

— Спасибо, всего вам доброго! Первого сентября вернусь!

— Ну, давай, давай... Счастливо тебе.

Ромочка быстро загрузил ее вещи в багажник, поехали. Машина у него тоже была какая-то необыкновенная, она и не ездила на таких никогда. Но спрашивать не стала, что за машина такая. Вдруг Ромочка подумает, что она совсем отсталая, такие глупые вопросы задает.

Ехали недолго — дача располагалась в ближайшем пригороде. Да и не дача это вовсе была в том смысле, как представляла она себе это уютное место... То есть что-то похожее на деревянный сарайчик с верандой, окруженной цветочными зарослями.

Нет, это было далеко не сарайчик. Это был дом, похожий на сказочный дворец с башенками, с красивой дорожкой от ворот к крыльцу, с высоким и мощным забором, вобравшим в себя большую ухоженную территорию с газонами, соснами и даже небольшим искусственным озерцом.

— Вот тут и поживешь пока... — весело сообщил Ромочка, открывая дверь сказочного дворца. — Я тебе сейчас все покажу, что и где можно взять. На первом этаже есть гостевая комната, я думаю, тебе понравится.

— Ой... Мне страшновато как-то... — робко огляделась она по сторонам, войдя в дом.

— Чего тебе страшновато? Здесь никого больше нет... Холодильник наверняка пустой,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

но я прихватил кое-какие продукты, тебе на первое время хватит. Потом еще подвезу. Да проходи, проходи, не стесняйся! Осваивайся как-то, чего растерялась!

Ирина улыбнулась неловко, пожала плечами — растеряешься тут. Она такие дома только в кино видела и по телевизору еще... Как тут вообще жить-то? Диван белый какой, с пухлой кожей, даже и сесть на него страшно.

— Смотри, вон там кухня... Я думаю, с плитой сама разберешься. Или показать?

— Разберусь...

— Рядом с кухней туалет и ванная. На втором этаже еще три спальни, но я думаю, что они тебе не понадобятся. А твоя комната здесь, направо по коридорчику. Это комната для прислуги, но она очень удобная, там все есть. Или хочешь на втором этаже поселиться?

— Да нет, мне все равно... Что ты...

— Ну и замечательно. Оставайся, осваивайся, вот ключи... На ночь дверь запирай, если боишься. Хотя здесь нет никого... Садовник раз в месяц приходит, чтобы газон подстричь. Мой друг с компанией еще иногда приезжает, но я его предупредил, что ты девушка стеснительная, он обещал, что беспокоить тебя не будет. Еще вопросы есть?

— Нет... Какие вопросы, что ты...

— Тогда я поехал? У меня сегодня еще дел много. Да и машину отцу обещал вернуть...

Открытая дверь

— Да... Спасибо тебе, Рома! Даже не знаю, как еще благодарить...

— Да пустяки. Живи, дыши свежим воздухом, отсыпайся.

— А... А ты приедешь еще?

— Приеду. Дня через два навещу тебя. Ну все, пока...

Ромочка ушел, она осталась одна. Медленно обошла большую гостиную, прикасаясь робко к незнакомым предметам, с уважением провела ладонью по каминной полке — красивая какая... Цвет теплый, терракотовый. Яшма, наверное. И ковер на полу такого же цвета... Неужели она здесь будет жить среди такой красоты? Удивительно...

На кухне долго разбиралась с плитой, ругая себя — надо было все же спросить у Ромочки, как она включается. С трудом разобравшись, сделала себе на завтрак яичницу с колбасой, съела с большим удовольствием. Попила чаю, вышла на крыльцо, зажмурилась от яркого солнца — боже, как тут хорошо... Какие счастливые люди должны тут жить! Интересно, у Ромочкиных родителей есть такая же дача? Наверняка ведь есть!

Хотя... О чем это она думает? Ну, есть... Что с того? Она здесь временное явление, случайная залетная птичка. Ромочка добрый, вот и впустил птичку погреться, чтоб совсем не пропала в уютной жизни. В той жизни, где не

ВЕРА КОЛОЧКОВА

только дачи нет, но и дома своего нет, пусть и плохонького. Надо эту жизнь с нуля начинать...

Вот она и начнет, ничего страшного, подумаешь! Голова на плечах есть, руки есть, остальное приложится. Пусть не такое шикарное, но все будет со временем. И ей везет... Это хороший знак. Могла бы сейчас на улице оказаться, а она здесь стоит, на этом крыльце... среди всей этой благодати! Сейчас по участку прогуляется. Вон там, вдалеке, даже качели есть... А потом вернется, обед себе приготовит. А вечером телевизор включит, будет на белом диване сидеть, поджав под себя ноги, кино смотреть... Красота!

Ромочка приехал через два дня, как и обещал. Привез ей продукты. А еще роскошный букет роз, который она приняла с трепетом — никогда еще и никто ей таких цветов не дарил. Стояла, уткнув нос в эти розы, чуть не плакала. А Ромочка смотрел на нее с удивлением — чего ты, мол? Она так и не смогла ему ничего объяснить, только проговорила тихо:

— Надо цветы в вазу поставить... Какую можно взять вазу, Ром?

— Да любую... Вот эту хотя бы... — указал Ромочка рукой на каминную полку. — Давай я тебе помогу!

— Давай... А то разобью еще...

И снова он глянул настороженно, будто удивлялся слезливым ноткам в ее голосе. Она и

Открытая дверь

сама им не рада была, но ведь не станешь объяснять, откуда они взялись! Не расскажешь, что проявление такого тепла и заботы слишком для нее непривычно, что научилась жить в равнодушии и в неприязни. А еще равнодушие и неприязнь со стороны мачехи можно было назвать ожиданием того момента, когда падчерица свалит из дома на все четыре стороны. Мол, воспитала, вывела в люди, из дому не выгнала — будь мне благодарна до конца своих дней.

А тут — цветы... И дом этот шикарный... И взгляд теплый, участливый. И молчание тактичное. Конечно, ей все это непривычно!

— Ну что, освоилась на новом месте? — спросил Ромочка, стараясь придать голосу побольше непринужденности. Наверное, хотел как-то вывести из этого слезного замешательства, за что она ему была очень благодарна.

— Да, освоилась... Только в доме мало нахожусь, в основном по участку гуляю. Даже телевизор включаю редко, а на второй этаж ни разу не поднималась. Я... Я очень аккуратно со всем обхожусь, ты не думай...

— Да перестань, Ирина! Ну что ты... Будто все время извиняешься за что-то!

— Ну как же... Такой дом... Я боюсь что-то не так сделать, вдруг испорчу нечаянно!

— Дом как дом, ничего особенного, подумаешь! И даже в голову не бери, если вдруг покажется, будто что-то неправильно делаешь!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— А ты... Ты так же живешь, да? То есть... У тебя такой же загородный дом есть, наверное?

— Ну да, есть... Только не у меня, а у родителей. Но я не люблю там бывать...

— А почему?

— Не знаю. Я не любитель всех этих пасторальных прелестей. Я больше городскую жизнь люблю. А чем это у тебя так вкусно пахнет?

— Так я суп сварила... Куриный с лапшой... Ой, ты голодный, наверное?

— Да. Ужасно голодный.

— Давай я что-нибудь тебе приготовлю, хочешь?

— Да зачем? Я бы поел твоего супа... Куриного с лапшой.

— Да ну... Он же совсем простой... Ты ведь не ешь такое, наверное...

И опять он странно посмотрел на нее, будто огладил взглядом, немного снисходительным. И произнес тихо:

— Смешная ты... А еще очень красивая... Сама-то хоть понимаешь, какая ты красивая? С твоей внешностью и с твоим ростом тебя в любое модельное агентство возьмут. Я бы на твоём месте попробовал...

— Да ну! — засмуцалась она, отворачивая от него лицо. — Какая там красота...

— А я, между прочим, шампанского привез. Давай рубанем твоего супчика под шам-